

МАРК АГАТОВ

Предсказания

Вольфа

МЕССИНГА

Марк Агатов

Предсказания Вольфа Мессинга

«Издательские решения»

Агатов М.

Предсказания Вольфа Мессинга / М. Агатов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747594-9

— Как тебе удалось узнать, что ее убьют?— Ты сказал, что надо кого-то убить на первой странице. Я и убил...— Так это правда, что ты был учеником Вольфа Мессинга? — продолжил допрос режиссер.— Был.
— Почему ты выбрал ее из тысячи пассажиров метро?— Потому что надо было кого-то убить на первой странице...— Ты умеешь предсказывать будущее? — настороженно посмотрел на меня режиссер.— Нет. Только прошлое! У женщины в метро не было будущего. Вольф Мессинг научил меня предсказывать... прошлое.

ISBN 978-5-44-747594-9

© Агатов М.

© Издательские решения

Содержание

Вольф Мессинг научил меня предсказывать прошлое	6
Роман о сумасшедших	9
Сто тысяч гривен за рассказ про Пекаря	13
«Невыдуманная история: «Пекарь химзавод не купит»	15
«Пиши роман»	19
Страницы биографии. «Детективы от Агатова»	22
Код страха гипнотизера Маркуса Крыми	26
В каждой женщине живет ведьма!	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Предсказания Вольфа Мессинга

Марк Агатов

Дизайнер обложки Марк Агатов

Редактор М. Ильин

Фотограф Марк Агатов

© Марк Агатов, 2018

© Марк Агатов, дизайн обложки, 2018

© Марк Агатов, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4474-7594-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«И не смотри на меня невинными глазами. Это убийство придумал ты, и женщина с красной папкой – из твоей прошлой жизни. Как ты с ней познакомился?»

– В метро на «Курской». Я спускался вниз по эскалатору, а она поднималась вверх. У нее в руках была красная папка с какими-то важными документами.

– Она погибла недалеко от метро, – режиссер показал опубликованное в газете фото женщины с тревожными глазами. – Ее сбил мотоциклист. И никакой папки у нее в руках не было.

– И что мне делать? Может, позвонить в милицию?

– Нет. Добавь эту историю в свой роман.

Кот прыгнул на стол и прошелся по рукописи, шелестя бумагой. Режиссер внимательно посмотрел на кота.

– Как тебе удалось узнать, что ее убьют?

– Ты сказал, что надо кого-то убить на первой странице. Я и убил...

– Так это правда, что ты был учеником Вольфа Мессинга? – продолжил допрос режиссер.

– Был.

– Почему ты выбрал ее из тысячи пассажиров метро?

– Потому что надо было кого-то убить на первой странице...

– Ты умеешь предсказывать будущее? – настороженно посмотрел на меня режиссер.

– Нет. Только прошлое! У женщины в метро не было будущего. Вольф Мессинг научил меня предсказывать... прошлое. Это не сложно. Надо просто мысленно передвинуть стрелки на часах и увидеть то, что через несколько минут станет прошлым. Ее убили из-за красной папки.

– Ты хочешь сказать, что Вольф Мессинг передал тебе тайные знания?

– Может, и передал, а может, я и это придумал, я же писатель-фантаст. Спроси у Мессинга.

– Но он же давно умер.

– Это не имеет значения. Если он пожелает, ты получишь знак. Если нет – промолчит».

Вольф Мессинг научил меня предсказывать прошлое

Хотим мы это или нет, но судьба predetermined каждому от рождения. Его величество случай в 1966 году привел меня в психиатрическую больницу. Почему я попал на свою первую практику именно сюда, одному богу известно. Но так получилось, что меня распределили в психбольницу. Не каждому взрослому человеку удастся побороть в себе страх перед ежедневной опасностью быть избитым невменяемым пациентом, да и разговаривать с душевнобольным человеком весьма непросто. А мне в то время было всего 16 лет. И я тоже на первых порах боялся больных, не знал о чем с ними можно говорить, а какие темы запрещены для обсуждения. В диспансере моим наставником стала известный в городе психоневролог Полина Рубеновна Оганезова. Учила она сотрудников главному – умению говорить с больными, скрывать свои эмоции и управлять потерявшими разум людьми. Последнее, мне казалось делом немыслимым, но через год я уже спокойно входил в палату к особо-опасным больным. Там же, в диспансере, я впервые услышал о гипнозе и увидел, как молодая женщина-врач Вера Лунина, усыпляя больных, внушала им полезные мысли, снимала страх, депрессию...

После сеансов гипноза мы много говорили с ней о тайнах мозга, о внушении и однажды она вручила мне очень редкую в то время книгу о гипнозе. Это была монография какого-то немецкого автора. Читать ее было сложно, но из этой книги я узнал главное, что гипнотизером может стать практически любой человек. Причем для того, чтобы научиться усыплять больных – не нужно иметь специального образования, а достаточно овладеть техникой гипноза.

В январе 1969 г. в Евпаторию на гастроли приехал Вольф Мессинг. Его выступление в городском театре я не мог пропустить и во время сеанса вызвался ассистировать легендарному артисту. После представления любопытного ассистента Вольф Григорьевич пригласил в гримерку, где я признался, что хотел бы стать гипнотизером.

По-русски Вольф Мессинг говорил не важно, но я ловил каждое слово великого гипнотизера. Мы говорили о тайнах гипноза, телепатии и внушении наяву, а когда пришло время прощаться, Вольф Мессинг на фирменном бланке оставил автограф и сказал, что я стану известным человеком, после того, как брошу медицину.

– Ты будешь писателем, – сказал Вольф Мессинг. Он, не мигая смотрел мне в глаза, и говорил громко, как на сцене во время сеанса гипноза. – Ты напишешь много книг. И в одной из них расскажешь о нашей встрече. А потом, когда я уйду из этого мира, в твоих книгах появится ученик Вольфа Мессинга. В книге он повторит мои опыты, но он не будет Мессингом!

– И кем же он будет? – тихо спросил я.

– Не знаю. Он сам расскажет тебе о своей жизни, если вы когда-нибудь встретитесь.

Признаюсь сразу, что в это предсказание в шестьдесят девятом году я не поверил. Но Вольф Мессинг знал о моем будущем намного больше, чем я мог предположить.

НАПИШИТЕ ВАШЕ ЗАДАНИЕ
И ПЕРЕДАЙТЕ ЖЮРИ

(задание должно состоять из определенного действия или ряда действий)

Handwritten text:
Судейство
Александром
Василий Розоватенко
В. Мессинг
28/12/89

Когда В. МЕССИНГ выполняет задание, Вы должны мысленно точно и последовательно диктовать ему это задание

Через двадцать лет я оставил медицину и стал сочинять детективы, главными героями в которых стали врачи-психиатры. Книги эти вначале девяностых годов прошлого столетия выходили сотысячными тиражами. Из издательства мне приносили пачки писем, в которых читатели рассказывали свои истории и делились впечатлением о прочитанном. Были в этих письмах и рассказы о Вольфе Мессинге, о его сбывшихся предсказаниях. А потом, в моей книге появился ОН – ученик Вольфа Мессинга Маркус Крыми.

Роман о сумасшедших

Я брожу по замерзшему пляжу, оставляя на снегу следы своих ботинок, и пытаюсь найти первую строчку для этой главы. Но в голову лезут обкатанные временем штампы: «40 лет назад я впервые переступил порог Евпаторийского литературного объединения». Звучит красиво, круглая дата, но, по сути, это вранье, потому что я не помню, сколько мне было лет, когда впервые я написал некий художественный текст, который требовал обсуждения в кругу таких же, как я, жаждущих стать великими властителями человеческих дум. И еще одно вранье в первой же строчке: евпаторийское ЛИТО никогда не имело своего помещения, а значит, я не мог переступить «порог Евпаторийского литературного объединения сорок лет назад».

С газетным штампом ничего не вышло. Но надо ж с чего-то начать. Может быть, так: «Время было советское. Партия и правительство проявляли неустанную заботу о творческой интеллигенции». Вроде бы все на месте, и слова правильные, и акценты сделаны верно. Партия на первом месте, правительство чуть ниже, но вранье сапожным гвоздем вылезает и из этой фразы. Не было в нашем ЛИТО интеллигенции. Слесарей помню, работяг с завода видел, худосочных девиц с затуманенным взором, морем, луной и сердечком, которое то ли билось, то ли стучало в школьной тетрадке, и я, собственной персоной, «интеллигент в третьем поколении» – санитар городской психиатрической больницы, сын портного и домохозяйки. Наглый и самоуверенный, не имеющий никакого понятия о литературном труде, но желающий сообщить миру нечто важное о своей жизни.

Мы спорили друг с другом до хрипоты и обижались на тех, кто пытался образумить нас, неучей, что писательский труд – это, прежде всего, талант и непосильная каторга за письменным столом. Ежедневная, еженощная борьба с выдуманными героями, тысячи портретов, десятки тысяч диалогов, и все время слова, слова, слова.

Где сейчас эти «будущие гении»? Чем занимаются? Написали ли они свой главный роман? Как сложилась их жизнь?

Я не помню даже фамилий «подававших надежды». Мы собирались по выходным в редакции городской газеты. Читали свои рассказы, стихи, главы из ненаписанных книг, но чаще всего на суд зрителей выносился записанный на мятых листах бумаги «поток сознания».

Эти тексты нельзя было назвать рассказом, зарисовкой, повестью, но они имели успех. Вычурные фразы, странные обороты речи, отсутствие сюжета – все это казалось тогда чем-то новаторским, гениальным, но только в авторском исполнении. Стоило взять в руки измученный автором листок бумаги и посмотреть на синие кривые строчки своими глазами, как тут же исчезал «ораторский гипноз» исполнителя, и написанный текст уже не казался таким гениальным.

Почему именно сейчас мне вспомнился этот «литературный поток сознания»? Ответа нет. Просто на холодном зимнем пляже после приливной волны остается еле заметная цепочка моих следов, так и в памяти моей растворились без остатка лица непризнанных гениев из евпаторийского ЛИТО, но остался завораживающий голос и «поток сознания» неожиданно появившегося и навсегда исчезнувшего человека.

В воскресенье тринадцатого я дописывал очередную главу нового детектива о народном мстителе. Мой главный герой, журналист-убийца, весьма похожий на самого автора, взорвав машину со столичными грабителями, завершал финальный диалог с женщиной-свидетелем. И вот она уже пошла с букетом желтых роз, чтобы положить их на только что убитого честным человеком разбойника, как вдруг звякнул телефон, напоминая, что в реальной жизни через полчаса меня ждут в евпаторийском ЛИТО с тридцатиминутной речью.

А у меня перед глазами желтые розы, женщина-свидетель, взорванная машина и три мужских трупа. Я смотрю на будильник, отсчитывающий минуты. Надо срочно дописать абзац. А может, их оставить в живых? Я же могу даровать им жизнь. Три недостойных негодяя лежат без движения на залитом желтой краской асфальте. Убить или оставить. Быстро скользят минуты в часах. Бог с ними – я дарую им жизнь. Это их день – 13 января 2008 года, потому что сегодня меня пригласили в ЛИТО выступить перед теми, с кем начинал, рассказать об итогах и, наверное, научить чему-то тех, у кого еще все впереди. Последним – я могу только завидовать.

Я убираю слово смерть из третьей главы. Три негодяя переживут «Тайну красного чемодана», но доживут ли они до конца книги, не знает никто, даже автор, потому что детектив я пишу вместе с читателями и тут же выкладываю только что написанное в Интернет... Это первый подобный опыт создания криминального чтива в реальном времени.

Я отключаю компьютер и возвращаюсь в суету моего родного города, где нет отравленных бумажников, взрывов машин и желтых роз. Меня ждут в ЛИТО.

Перекресток Победы – Некрасова. Красный глаз светофора, за спиной городской ЗАГС, впереди памятник маршалу Соколову, а через два дома профсоюзная обитель, приютившая на время местных поэтов, писателей и тех, кто пытается заявить о себе.

Я вываливаю из дипломата свои книги, те, что вместились в его нутро, и выставляю в длинный ряд на столе президиума. В той прошлой жизни в ЛИТО не было стола президиума, поэтому, наверное, никто и не тащил туда своих книг. Но сегодня я должен говорить какие-то слова о творчестве, отчитаться о проделанной работе. Вместо этого я рассказываю о том, как меня известный русский писатель Владислав Бахревский отхлестал однажды прилюдно за то, что я приношу в ЛИТО короткие малохудожественные тексты и называю их рассказами. Он говорил, что рассказ – самый трудный литературный жанр, и написать его дано не каждому.

– Я бы тебе советовал написать роман, – завершил вдруг полный разгром моего творения Владислав Анатольевич. – Ты знаешь такое, о чем не знает никто из профессиональных писателей.

– Роман о сумасшедших, – недовольно бросаю я Бахревскому.

– Нет, – качает он головой. – Напиши роман о жизни, о людях, о тех, кто оказался в критической ситуации. О наркоманах и врачах.

Больше в ЛИТО я не ходил. Я обиделся, потому что не представлял, как можно сесть и написать огромный текст, как выстроить сюжет, чтобы он захватил читателя и держал в напряжении до последней страницы.

Дома я забросил на шкаф свои рассказы и забыл о ЛИТО, как о страшном сне. Воскресные разговоры о литературе и поэзии я поменял на походы в горы, летние заплывы в море и умные разговоры с любимыми женщинами.

А потом я написал роман, затем второй, третий... Стотысячные тиражи, фильм по мотивам на киностудии имени Горького в Москве и рекомендация в Союз писателей, подписанная... Владиславом Бахревским.

– Я же говорил тебе – пиши роман, – напомнил наш последний разговор в ЛИТО Владислав Анатольевич.

– Я просто умею держать удар, – возразил я своему наставнику. – И книги эти писал десять лет, ни с кем не советуясь и никому не показывая.

Я пересказываю эту историю тем, кто делает первые шаги в литературе, и говорю, что никогда не читаю чужих текстов, потому что боюсь ошибиться, потому что я не судья, и не каждый из тех, кто сегодня приходит в ЛИТО, способен держать удар, как санитар из психушки.

На этой встрече я хотел рассказать им еще о «потоке сознания» и авторском прочтении текста. О том, что роман невозможно написать, пока он не превратит тебя в своего раба, пока выдуманные тобой герои не заживут своей жизнью в твоей голове, и ты не услышишь их голоса, и не станешь говорить с ними, как с живыми людьми. А еще мне хотелось рассказать будущим писателям о замерзшем пляже и морской волне, которая смывает следы на песке, так же, как неумолимое время уничтожает память о тех, кто приходил в этот мир со своим «потоком сознания».

Вместо этого я пересказываю только что написанную главу с желтыми розами, взорванной машиной и оставленными в живых грабителями. Меня внимательно слушают и не могут понять, при чем тут женщина с розами.

Вспоминая сюжет, я задумываюсь, и правда, а откуда она взялась – эта женщина с желтыми розами. Мелькнет в эпизоде и исчезнет навсегда. Стоило ли тратить время на ее портрет, диалог, если она даже не свидетель убийства, не героиня, не моя знакомая, которую просто хочется «вставить в текст» из-за ее красивой фигуры, мягкого голоса и дамского шарма.

Когда торговка цветами появилась на остановке автобуса со своими желтыми розами, мне и в голову не могло прийти, что Марат заставит ее положить цветы на грудь погибшего авторитета. Какая-то странная идея, превратившаяся в некий символ, а может, это была месть журналиста трусливой бабе с цветами, которая не хотела помочь обворованному человеку. Мой герой отомстил ей, зло и беспощадно, превратившись на ее глазах из жалкого «терпилы» во всемогущего «народного мстителя», взрывающего автомобили, а колючие желтые розы стали символом силы и справедливости.

Все. Пора тормозить. Я вгоняю ничего не значащий для сюжета моего романа эпизод в рецензию на книгу. Так поступают литературные критики. Выхватив из романа какой-то кусок текста, они начинают с умным видом хороводить его своими измышлениями, объясняя автору, что он имел в виду на самом деле. И что тогда остается автору: кивать головой, соглашаться, а может, броситься во все тяжкие и доказывать критику и читателям, что баба с цве-

тами – всего лишь поток сознания и, выписывая ее образ, ничего подобного он не думал. Да кто ж тебе поверит, если своим коллегам из ЛИТО ты толком так и не смог ничего объяснить.

Можно было бы поговорить об этой женщине с Владиславом Бахревским. После вступления в Союз писателей я вновь стал встречаться со своим учителем и приносить ему рассказы, один из которых был даже опубликован в газете «Совершенно секретно».

Тем самым я хотел доказать Владиславу Анатольевичу, что уже освоил и этот самый трудный жанр. Но думаю, что ему достаточно и своих литературных героев, сочно выписанных, навсегда запомнившихся миллионам читателей.

Ладно, бог с ней, с продавщицей желтых роз. Кому она интересна, кроме автора. Читатель детектива пролистнет ее и навсегда забудет, потому что в ней нет тайны и она ничто для сюжета. Просто яркий эпизод, один из тысячи в моем длинном романе по имени жизнь.

Сто тысяч гривен за рассказ про Пекаря

В советское время за книги можно было сесть в тюрьму, попасть в сумасшедший дом и навсегда стать «не издаваемым» и «не читаемым». Но пришло другое время, сменилась идеология, и за что раньше сажали, сегодня возносят и награждают. В отличие от борцов за светлое будущее и «незалежность» Украины, в моих книгах не было сиюминутной политики. Я писал о людях, закручивая криминальный сюжет вокруг придуманной мною истории. И никогда не думал, что человек, «узнавший» себя в одном из книжных героев, потащит автора в суд, требуя с него сто тысяч гривен за нанесенный моральный ущерб. История эта многим покажется «дикой и смешной», а особо недоверчивым – писательскими фантазиями. Но все это было со мной наяву: и суд, и свидетели, и адвокаты. Мало того, известный русский писатель Владислав Бахревский направил в суд рецензию на мой короткий рассказ, в которой были такие слова:

«Серьезные писатели невыдуманных историй не пишут. Писатель мыслит образами, а образ – не фотография, не портрет даже очень колоритного человека. Писательские образы, иначе говоря, персонажи рассказов, романов – это приговор времени. Через персонажи и картины жизни, якобы конкретные, а на самом деле нафантазированные, писатель раскрывает суть современности, всю ее подноготную».

А теперь, правда из первых рук о подсудимом рассказе, написанная мною несколько лет назад.

Эту рецензию на один-единственный рассказ, а она у меня хранится в особой папке «расстрельного архива Марка Агатова», уже можно включать в книгу рекордов Гиннесса Украины, а может, и всего бывшего СССР. (На мировую славу я не претендую, хотя может быть, и там подобного прецедента не удастся отыскать).

Но не буду томить читателя длинными «детективными подводками» к раскрытию главной тайны криминального чтива, а расскажу обо всем по порядку.

В 2002 году я работал в газете и параллельно сочинял детективные истории. Честно говоря, делать это было непросто, потому что газета ежедневно требовала информацию о курорте, интервью с начальниками и судебные очерки, а мне хотелось писать рассказы и наконец-то закончить очередной криминальный роман. Поэтому, чтобы выполнить план «по-строчкам», я предложил редактору опубликовать в газете несколько моих криминальных рассказов. Написаны они были «газетным языком», легко читались и могли добавить нашему изданию новых подписчиков, любителей детективов. Но чтобы не превращать в глазах серьезных читателей «общественно-политическую газету» в нечто «литературно-художественное», в последний момент на полосе над моими текстами сменили рубрику «рассказ» на «невыдуманную историю». Я вначале даже не заметил новой рубрики и продолжал посылать свои рассказы в редакцию. Их печатали, я выполнял «план по строчкам», а в свободное время работал над криминальным романом о крымской мафии и наемных убийцах. Эта идиллия продолжалась недолго.

Через месяц после публикации рассказа «Пекарь химзавод не купит» в своем почтовом ящике я обнаружил повестку в суд. Оказалось, что в главном герое моего произведения себя узнал евпаторийский предприниматель, фамилия которого так же, как и в рассказе, начина-

лась на букву П. За это узнавание он потребовал с автора и редакции газеты в качестве компенсации за нанесенный моральный ущерб сто тысяч гривен. Сумма для Крыма в то время была запредельной. Что же не понравилось гражданину П., и почему он так высоко оценил свои моральные страдания? На этот вопрос, я думаю, вы сможете ответить сами, дочитав этот рассказ до конца.

«Невыдуманная история: «Пекарь химзавод не купит»

Был холодный февральский день. От нечего делать я забрел на старый деревянный причал. На стульчиках сидели трое скукоженных мужиков. Временами они извлекали из воды рыболовецкие снасти, меняли на крючках наживку и, поплевав на извивающегося в предсмертных муках червяка, забрасывали его в холодное море.

Тишину нарушил мужик в рваной фуфайке и теплых солдатских брюках:

– Пекарь теперь завод к своим загребушим лапам прибрать надумал, химический, а у меня опять одна зеленуха клюет.

– Это какой Пекарь-то? – спросил сидящий рядом толстый мужик в роговых очках. – Не Василий?

– Он самый, стервец, – старик приподнялся и вытащил из-под себя изрядно помятую газетку с разрисованным чернильной пастой портретом местного предпринимателя. – Харюто, смотри, какую отъел на чужих харчах! Все хитростью да подлюстью заимел: и машину, и деньги, и рыбзавод.

– Гнусный тип Пекарь, – подтвердил очкарик. – Ворюга, по роже видно.

Рыбаки перестали смотреть на поплавки и начали активно обсуждать героя газетной заметки.

– А первые деньги он у меня украл, – продолжил старик. – Кабак на набережной «Три пескаря» видели? Так это моя точка была, и если б не этот прохиндей, имел бы я стабильный доход.

– На тебя Пекарь с бандитами наехал? – заинтересовался тощий мужчина в драной солдатской шапке-ушанке.

– Тогда у него еще бандитов не было, – достал из кармана махорку старик. – Дело это происходило в начале девяностых. Я тогда другим человеком был. В духовом оркестре играл на похоронах да на свадьбах. А тут кооперативы в городе появляться стали. Предложили нам в аренду танцплощадку в парке. Со ста рублей выручки трояк надо было отдавать исполкому. Подсчитали мы с лабухами будущие доходы, и давай танцплощадку в порядок приводить. Первым делом асфальт новый положили, чтоб танцевать людям можно было, не спотыкаясь, забор покрасили, за все про все тыщонку пришлось выложить. По тем временам это были большие деньги, но мы надеялись за первый же месяц их «отбить».

Вначале все шло как по маслу. Народ к нам валом валил. По полтинничку с носа – за вечер до ста рублей набегало. При таких темпах до конца месяца все расходы могли бы покрыть, а с июля и на себя поработать. И тут на нашу беду Пекарь нарисовался. Он тогда начальником первого ЖЭКа работал, а наша танцплощадка на его территории оказалась. Походил он вечером вокруг, посетителей посчитал, и после закрытия ко мне с разговором. Я, говорит, по линии ЖЭКа за эту территорию отвечаю, дворники там, мусор, так что давайте – каждый вечер на коммунальные нужды наличкой по чирику.

Я, понятно, в амбицию, за какие такие коврижки жэковской крысе платить буду по триста рублей в месяц? Короче, послал Пекаря куда подальше, но он не успокоился, телегу в исполком накатал, мол, из-за нашей музыки у курортников мигрень одна на нервной почве, спать им вечерами мешает духовой оркестр со своими трубами и барабаном. Жэковскую бумагу в отдел культуры переслали, заведующий меня вызвал, и открытым текстом: «Ты бы с Пекарем договорился, а то он жалобами замордует тут всех».

Я, конечно, послушался шефа, пошел в ЖЭК, а Пекарь с меня двадцатку за вечер потребовал. Я музыкантам рассказал о вымогателе, все орать стали: если мы одному давать на лапу начнем, то завтра их целая очередь выстроится.

Очкарик, внимательно слушавший рыбака, многозначительно произнес: «Судя по твоему прикиду, платить Пекарю вы не стали, и он разорил ваше предприятие».

– Да как хитро сделал, – в сердцах сплюнул на землю бывший музыкант. – Короче говоря, на следующий вечер заявляется Пекарь на танцплощадку уже не один, а с Гуревичем – инженером первого ЖЭКа. Походили они по площадке, асфальт пощупали для чего-то, а потом этот самый Гуревич тоном профессора заявляет, что положили мы, значит, неправильный асфальт, загрязненный всякими вредными примесями. Ты видел такое, чтобы асфальт неправильный был? Мы машину эту с асфальтом аккурат от стен горисполкома увели за двадцатку.

Я Гуревичу так и врезал тогда с юмором: «Мол, если у нас асфальт поменять надо, то и у исполкома снимай его немедленно, чтоб начальство не передохло».

Пекарь на мою речь тогда ничего не сказал, но неделю не появлялся в парке. Мы уж думали, что отстал лихоимец, да не тут-то было. Начали у нас на танцплощадке подлинные безобразия происходить. Только танцы начнем, женщины к выходу бежать, ноги из-под платьев красные, на глазах слезы, следом за ними мужики уходят, а у музыкантов к концу вечера глаза слезятся и чешутся. Что только мы не делали, чтоб от этой напасти избавиться: и скамейки сменили, даже шифер цветной с решеткой отодрали – ничего не помогло. А на шестой день появился к нам Гуревич с Пекарем и врачи из санэпидстанции, пробы воздуха взяли, людей опросили, и даже кусок асфальта отодрали от пола на экспертизу. А танцплощадку до выяснения обстоятельств опечатали.

Я в отдел культуры, а заведующий мне шепчет: «Я ж предлагал тебе по-хорошему с Пекарем вопрос решить, а ты денег пожалел». Я из нашего разговора так ничего и не понял: ну какая связь между взяткой начальнику ЖЭКа и аллергией у танцующих. А тут еще из санэпидстанции предписание пришло: снести экологически опасный объект с лица земли.

Пекарь тут уж расстарался. На следующий день бульдозер в парк пригнал и площадку танцевальную в клумбу превратил, а к следующему лету на месте танцплощадки ресторан соорудил. Говорят, что у него в доле заведомо культуры Петров и санитарный врач вместе с Гуревичем.

– Ну а зуд-то отчего возникал у танцоров? – спросил очкарик, извлекая из воды очередную зеленуху.

– От медуз, – зло сплюнул старик-музыкант. – Мне потом пацаны по секрету рассказали, что Пекарь, после того, как я не стал ему мзду платить, собрал беспризорников и предложил им работу не пыльную, но денежную. Каждое утро они должны были выловить в море

по десять голубых медуз и принести в ЖЭК. Пацаны выкладывали медуз на жестяную крышу ЖЭКа и тут же получали свой гонорар, по двадцать копеек за штуку. За день эти морские твари усыхали на солнце, и все, что от них оставалось, малолетние негодяи рассыпали вечером на танцплощадке. Когда люди начинали танцевать, ядовитая пыль поднималась с земли и оседала на открытые части тела танцующих дам...

– Здорово он тебя обул, – расхохотался очкарик, выбрасывая несъедобную зеленуху обратно в море. – За такие открытия Пекаря надо к премии представить Нобелевской.

– Убивать таких знатоков надо, – обозлился бывший музыкант. – Ты знаешь, что он в интервью журналисту наговорил: «Я, как член общества охраны природы, установил в море мидиевые ловушки, и эти санитары морских глубин теперь ежедневно очищают тысячи кубометров воды, и недавно заключил договор с французами на поставку черноморских мидий в Париж, на сто тысяч долларов». Представляете?

Сидевший у края причала сорокалетний мужчина повернул голову в сторону музыканта и спросил: «Пекаря вашего Василием зовут?».

– А что, личность знакомая? – протянул газету музыкант.

– Значит, это он к нам на химзавод приходил. Я еще подумал, где он деньги возьмет на покупку завода? – пробормотал мужчина. – А он, оказывается, завод за счет мидий купить надумал.

– Пекарь ваш завод закроет, оборудование продаст, а в акватории бухты моллюсков выращивать станет. Он об этом по телевизору уже говорил, – «обрадовал» мужчину музыкант. – А ты по моим следам пойдешь в безработные, господин инженер.

Мужчина еще раз перечитал интервью Пекаря в газете и удивленно спросил: «Интересно, где этот Пекарь здесь экологически чистых моллюсков выращивает? В заливе грязи больше, чем в канализации».

– Для французов этот прохиндей специальную плантацию мидий построил в открытом море. Лягушатники там пробы воды десять раз брали, чтоб ни металлов ядовитых, ни бактерий в их деликатесах не было. Пекарь в это дело все свои деньги вложил, кредитов набрал на полмиллиона долларов. Квартиру, дачу, машины – все заложил.

Инженер-химик некоторое время неподвижно сидел на краю пирса, прикрыв глаза, наконец, решившись, сказал: «Спорю на бутылку водки, что ваш Пекарь через два месяца пойдет по миру и будет прятаться от кредиторов».

– Ты еще Пекаря не знаешь, – возразил музыкант. – Этот глист через самую узкую щель выползет наружу, и ты водку проиграешь.

– Разбивай, очкарик, – радостно закричал инженер. – Не увидят французы черноморских мидий, как своих ушей.

Через два месяца троица встретила на том же причале. Инженер-химик был в приподнятом настроении, при галстукке, а музыкант все в той же рыбацкой робе.

– За водкой беги, – как ребенок радовался инженер. – Обанкротился Пекарь. Милиция его в розыск объявила.

– Водку я принес, – забормотал музыкант униженно. – Но как тебе удалось это сделать?

– Вася Пекарь в школьном кружке бабочек изучал и медуз разных, а я химией увлекался с ранних лет. По барию научную работу писал.

– Ну и что с того? Я тоже с детства на скрипке играл, – обиделся музыкант.

– Скрипка – это баловство, а вот хлорид бария – очень серьезное вещество. И, что интересно, на нашем химзаводе его как раз и производили до недавнего времени.

– И при чем тут Пекарь?

– Дело в том, что хлорид бария хранился у меня в лаборатории. Я набрал бутылек трехлитровый, сплавал к мидиевым плантациям на шлюпке и нечаянно уронил его за борт. Месяц назад Пекарь собрал свои деликатесы и на самолете отвез в Париж. Там сделали анализ и поняли, что Вася Пекарь – особо опасный преступник, который надумал отравить французских гурманов хлоридом бария. Смертельная доза этого яда для человека 0,8 грамма, как раз столько идет на одну порцию мидий. Французы хотели Пекаря заточить в тюрьму, да он вовремя смылся.

Музыкант извлек из сумки бутылку водки, разлил по пластиковым стаканам и с горечью произнес: «И чего это я в школе химию не учил на уроках».

Рассказ «Пекарь химзавод не купит» был опубликован в газете 17 мая 2002 года. А потом началась девятимесячная судебная тяжба с гражданином П., который узнал себя в главном герое и требовал с автора эпохального произведения сто тысяч гривен за свои моральные страдания.

Для того, чтобы объяснить суду, что в рассказе речь идет о литературном герое, пришлось изучить по полной программе деятельность этого предпринимателя, его биографию, застаться ответами из евпаторийского горисполкома, а на одном из десяти судебных заседаний зачитать рецензию на этот рассказ известного русского писателя Владислава Бахревского. Вот этот уникальный документ, который сегодня приобщен к делу о защите чести и достоинства гражданина П.

«Пиши роман»

«Марк Агатов называет меня учителем, но возьмиись я писать детективы, пошел бы учиться у своего ученика.

Почти десять лет руководил я литобъединением Евпатории, областным. Из тех, кто посещал занятия, вышли очень хорошие поэты, серьезные прозаики.

Чтобы из Агатова получился писатель, пришлось крепко его обидеть. Высмеяв мелкотемье, мелкомыслие незадачливого сочинителя, я сказал ему: «Пиши роман».

Марк перестал ходить на занятия, зато написал добрую дюжину романов и повестей.

Ну, а я остаюсь «учителем». Вот только нужны ли кому теперь мои советы?

Марк Агатов – признанный мастер главенствующего жанра нашего времени – литературы о ворах, о бандитах, о проститутках, о начальниках, повязанных деловыми отношениями с криминальными авторитетами.

Мне попался рассказ Марка Агатова, напечатанный в газете «Крымское время» в рубрике «Невыдуманные истории». Рубрика – лукавство редакции: у нас вы прочитаете правду и только правду!

Серьезные писатели невыдуманных историй не пишут. Писатель мыслит образами, а образ – не фотография, не портрет даже очень колоритного человека. Писательские образы – вымысел, но вымысел этот столь естественен и впечатляющ, что в чичиковых, городничих, в ревизорах узнают себя люди во всех уголках земного шара, да еще через века.

В рассказе «Пекарь химзавод не купит» Марк Агатов представил историю, обычную для нашего времени. Скорые капиталы честно не наживаются. Борьба за деньги благородством не обременена. Кто смел, тот и съел. Большие деньги у больших жуликов. Великие у великих. Но рассказ Агатова поднимает еще одну проблему, по-настоящему глубокую и страшную.

Ладно бы в народе нашем бытовала обычная зависть к удачливым дельцам, сумевшим ухватить кусок пожирнее. Но зависть, не знающая меры, это – ненависть. Ненависть, порождающая преступление.

Бизнесмен, пусть не безупречной честности, добился выгодного контракта. На миллион! Кому вредно, что в чистой морской воде будут выращивать мидии на экспорт? Деньги-то придут в твой город! В твоём городе будет работать миллион.

Да, химзавод закроют, его отходы убивают природу, но работающий миллион создаст новые рабочие места.

Когда-то выбившимся из нищеты мужикам пускали под крышу «красного петуха». Не убыло злобы, время народы не лечит.

В море, на плантацию мидий, будто бомба, летит бутылка отравы. Пекарь разорен, народ ликует. А ведь срублен сук, на котором сидим.

...Нет, Марк! Для такой темы мало рассказа. Пиши роман!

Владислав Бахревский

12.09.2002 г.».

Я последовал совету известного русского писателя и написал роман «Семен Водкин-имиджмейкер», в который отдельной главой включил рассказ «Пекарь химзавод не купит».

Единственное изменение, которое я внес в электронную версию книги, – заменил имя и отчество главного героя. В газетном варианте его звали Анатолий Николаевич, что очень раздражало господина П., в книге он стал Василием Алибабаевичем. Думаю, что такое «киношное» словосочетание подтолкнет гражданина П. к мысли, что Пекарь – все-таки литературный герой, а не реальная личность из города Евпатории.

После нескольких заседаний суда гражданин П., осознав бесперспективность дальнейших дебатов, стал уклоняться от явки в суд, в связи с чем судья местного суда Игорь Кабаль 11 апреля 2003 года принял решение:

«ИСК гр. П. АНАТОЛИЯ НИКОЛАЕВИЧА... О ЗАЩИТЕ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА, ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ И О ВОЗМЕЩЕНИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА, ОСТАВИТЬ БЕЗ РАССМОТРЕНИЯ».

29 апреля 2003 года это решение вступило в законную силу.

Сегодня, вспоминая эту давнюю смешную историю, я хочу особо отметить, что благодаря этому судебному процессу я был вынужден написать криминально-сатирический роман «Семен Водкин-имиджмейкер», прототипом одного из героев которого и стал предприниматель П.

Когда меня спрашивают, откуда вы берете сюжеты для своих книг, я отвечаю – из жизни, из судебных процессов, из общения со своими знакомыми, соседями, предпринимателями, милиционерами, политиками и «городскими сумасшедшими».

Один дотошный чиновник меня спросил, для чего этот текст я включил в книгу воспоминаний. Ответ на поверхности: чтобы показать читателю, в какое интересное время мы жили, когда «чичиковы» и «городничие» бегали по судам, защищая свою честь и достоинство, узнав себя любимых в героях литературных произведений.

И чтобы закрыть эту тему, поясню, что иск господина П., узнавшего себя в герое рассказа «Пекарь химзавод не купит», по времени совпал с еще тремя подобными судебными исками, один из которых подал в суд лично премьер-министр правительства Крыма Сергей Куницын. Он требовал изъять из продажи мою книгу «Премьер Куницын и его команда». Люди из окружения Куницына потом рассказывали, что все эти четыре иска совпали по времени не случайно, и цель их была якобы одна – обелить в глазах избирателей Сергея Куницына и заткнуть рот независимому журналисту.

А теперь несколько слов о самой книге, которая вызвала столь бурную активность крымских чиновников.

В анонсе на первой странице книги «Премьер Куницын и его команда» было написано следующее: «Марк Агатов – волей судьбы стал свидетелем и участником многих трагических

событий в Крыму. Проводя журналистские расследования заказных убийств, совершенных на полуострове, автор неоднократно сталкивался с противоправными действиями местных чиновников, фактами коррупции, взяточничества, расхищения бюджетных средств.

Книга «Премьер Куницын и его команда» рассказывает о делах крымской исполнительной власти, оказавшихся в поле зрения контролирующих органов и журналистов, о криминальных разборках, заказных убийствах, бандитизме и должностных преступлениях.

Автор надеется, что выход в свет книги «Премьер Куницын и его команда», являющейся логическим продолжением «Спикера-убийцы», поможет читателям по достоинству оценить деятельность некоторых крымских чиновников, политиков, бизнесменов и сотрудников правоохранительных органов».

Как я и предполагал, читатели, прочитав мою книгу, правильно оценили деятельность Сергея Куницына. А вот самому Куницыну она не понравилась. Судился я с тогдашним премьером года два, не меньше. За это время весь тираж книги был продан в Крыму, мало того, в Киеве эту книгу от моего имени подарили каждому депутату Верховной Рады Украины и библиотеке высшего законодательного органа страны. Через несколько лет, когда я уже сам работал в аппарате Верховной Рады Украины, смог лично полистать книгу «Премьер Куницын и его команда» в читальном зале главной библиотеки страны.

Судебные процессы в Крыму показали, насколько беззащитны перед чиновничьим произволом были журналисты и писатели. Защищая в суде свое право писать и говорить правду, я вскоре и сам стал правозащитником, собкором Фонда Защиты Гласности в Крыму.

Дописав этот абзац, вдруг поймал себя на мысли о схожести моей судьбы с судьбой поэта и писателя-крымчака Александра Ткаченко. Сменив профессию, Александр писал стихи, потом прозу, а в конце жизни оказался в рядах правозащитников. Только права журналистов и писателей Ткаченко защищал в Москве, а я в Крыму и на Украине.

Страницы биографии. «Детективы от Агатова»

В июне 2013 года, собирая документы для передачи в государственный архив, я наткнулся на свидетельства о регистрации двух газет «Детективы от Агатова» и «Воры в законе». Третьим изданием, которое я издавал в Крыму в бандитские девяностые, был журнал «Детективы». С изданием этих газет и журнала связана весьма поучительная история.

За два дня до московского путча, ГКЧП и круглосуточного балета по всем телеканалам страны в Симферопольском издательстве «Таврида» я получил сигнальные экземпляры своей новой книги «Смерть рэкетирам!». Ее должны были отпечатать стотысячным тиражом.

Книги я принес в крымскую телестудию, где вместе с известными актерами, среди которых был Валерий Баринов и режиссер Геннадий Байсак, мы рассказывали о съемках художественного фильма «Игра на миллионы». В титрах на первом стоп-кадре этого фильма после взрыва появлялась надпись: «По мотивам повести К. Агатова «В паутине смерти»».

Презентация книги и фильма прошла весело и интересно. На следующий день после эфира было много разговоров об этой передаче и поздравлений от коллег-писателей, искренних и не совсем. А 19 августа 1991 года поездом я отправился в Москву «защищать демократию». Там меня ждали баррикады у стен Белого дома, «коктейль Молотова» и инструкции воинов-афганцев, как поджигать БэТээРы и танки. Потом была попытка прорыва, трое погибших защитников «Белого дома» и сессия Верховного Совета РСФСР, на которой я присутствовал в качестве журналиста, арест членов ГКЧП и эйфория после НАШЕЙ ПОБЕДЫ! Домой я вернулся «Защитником Белого Дома».

А в это время в Крыму громили ненавистные горкомы и райкомы, описывали имущество компартии и выгоняли с работы тех, кто остался верен своим коммунистическим принципам, поддержав ГКЧП.

Одной из жертв «демократических репрессий» стал и мой давний знакомый редактор «Евпаторийской здравницы» Илья Борисович Мельников.

Вот как он описывает ситуацию, сложившуюся в городе после ареста членов ГКЧП:

«Необычайно свежи в памяти события тех дней и последовавших за ними месяцев и лет. В одно отнюдь не прекрасное августовское утро 91 года вижу из окна редакции: возле здания горкома партии толпится возбужденная публика. Затем она врывается внутрь. Не видел, что «революционеры» там делали, но стало ясно – эпоха всевластия Компартии и в нашем городе завершилась.»

Активисты воспринявших антикоммунистических элементов деловито описывали имущество КПСС, стали «доставать» и газету. Причем один из сотрудников редакции пошел в открытую атаку на меня. Дескать, член горкома, пользовался привилегиями, и так далее.

Конечно, глупость этих «закидонов» была очевидной. Но поскольку коллектив робко промолчал в столь острой ситуации, я просто сложил с себя редакторские полномочия.

Встал вопрос – чем заниматься? И тут от умного, предприимчивого земляка Марка Пурима, ныне он один из активнейших депутатов горсовета, поступило предложение: стать редактором необычного издания «Детективы от Агатова». Я, конечно, согласился.

Печатали мы эти своеобразные журналы в Симферопольской типографии, люди покупали их в киосках «Союзпечати», у общественных распространителей, в том числе в электричках. Популярности издания способствовала и присущая Марку писательская интрига, и очень удачные рисунки привлеченных художников.

Стали выпускать и более солидные по объему и содержанию издания. Но вскоре ситуация в этой сфере предпринимательства, как и во многих других, усложнилась, рентабельность затрат приблизилась к нулю. Вынужденно пришлось заняться чем-то другим».

(Илья Мельников «О родных, о времени, о друзьях». 2012 год).

Илья Борисович был редактором от Бога, но когда я оформил его к себе на работу, ко мне стали подходить так называемые демократы, тихонько пересидевшие в своих квартирах «битву с ГКЧП», с разговорами о том, что я совершаю политическую ошибку, взяв к себе в редакцию Мельникова. Выслушав доброжелателей, я тут же посылал их, куда подальше.

Вначале девяностых газета «Детективы от Агатова», в которой печатались детективные повести и рассказы, выходила 20-тысячными тиражами. Издали мы тогда и журнал, больше похожий на книгу. В журнале «Детективы» были опубликованы мои повести «Смерть рекетиром», «Кошмар из прошлого» и «НЛО над Форосом». Стотысячный тираж этого журнала разошелся довольно быстро.

А потом население самой читающей страны обнищало до такой степени, что перестало покупать книги. Я свернул издательство, закрыл газеты и журнал, но, как и прежде, поддерживал хорошие отношения с Ильей Мельниковым и... его активным оппонентом Юрием Теслевым, тем самым сотрудником редакции «Евпаторийской здравницы», из-за которого после путча Илья Борисович Мельников и ушел на вольные хлеба. Мало того, на одной из фотовыставок в Евпатории мне удалось сфотографировать мирно беседующих Юрия Теслева и Илью Мельникова. Кстати, Илья Борисович Мельников через несколько лет вернулся в «Евпаторийскую здравницу» на прежнюю должность редактора. Вот такая ГКЧПешная история приключилась в курортной Евпатории.

Но вернемся в бандитские девяностые. Весьма неожиданный сюрприз автору этих строк преподнес 1994 год. Меня пригласили на работу собкором в одну из ведущих газет России – «Коммерсантъ». На первых порах в «Коммерсанте» я писал о бандитских разборках и убийствах предпринимателей, среди которых было немало моих знакомых. (Вначале девяностых я участвовал в создании профсоюза и Союза предпринимателей Крыма).

Много времени уходило у меня и на общение с депутатами Верховного Совета Крыма и чиновниками Совмина АРК. «Коммерсантъ» требовал комментарии только первых лиц на любые темы, будь то ЧП или «судьбоносное» решение парламента, и тут уж без личных связей и прямых телефонов САМОГО было не обойтись. В «Коммерсанте» я проработал десять лет. Потом печатался в московских «Новых известиях», «Труде», питерских журналах «Вне закона», «Калейдоскоп».

Работая журналистом, я продолжал писать детективы. Только героями теперь были не сумасшедшие и врачи-психиатры, а журналисты, предприниматели и чиновники. Так на свет появилась книга «Журналист-убийца», главный герой которой был «списан» с самого автора.

Владислав Бахревский: «После смерти человек оставляет свой образ»

Несколько лет назад Владислав Анатольевич впервые заговорил со мной «под диктофон» на «диком» евпаторийском пляже. Это был разговор ученика и учителя.

Из первого разговора «под диктофон» я сделал сухое «газетное интервью», другого бы просто не напечатали в крымской газете. Редактор на «летучках» поучал репортеров: «Читателям нужны не размышления, а „актуальная конкретика“, привязка к дате, к событию, к информационному поводу». И завершал свое выступление напоминанием о том, что «газета живет один день». С этим трудно было спорить. Читателя газет, «глотателя пустот», как «собачку Павлова» приучили реагировать на призывы, происшествия и судьбоносные решения трех П. – Правительства, Президента, Парламента. Но это еще не все, чтобы материал попал на газетную полосу, нужен был «информационный повод», а если нет информационного повода, то и незачем писать о писателе или художнике.

– Ну, кому сейчас нужны размышления о вечном, о литературе и литературных героях? – твердил редактор, возвращая рукопись. – Вот если бы ваш писатель что-нибудь сказал по текущему моменту или прокомментировал решение Правительства о... И далее следовал длинный список того, что должен был прокомментировать «ваш писатель».

Комментировать «редакторский список судьбоносных решений» Владислава Бахревского я не просил. Да и что мог сказать писатель, живущий со своими героями в семнадцатом веке, о нашей безумной «незалежности», о политиках-предателях, коррупционерах, взяточниках, продажных тушках-депутатах и о будущем страны, которую сегодня называют Украина.

Зная на своем опыте, как легко рассыпаются в голове сюжетные линии и образы героев, не добравшиеся до бумаги, я старался в Евпатории не «доставать» своего учителя «умными разговорами о жизни», которые могли увести писателя из его мира минувшего. Поэтому в Евпатории мы встречались только для разговора «под запись».

Не стал исключением и 2008 год. Мы договариваемся встретиться у подъезда «летней резиденции Владислава Бахревского» – небольшой квартиры в пятиэтажном доме по улице Советской в Евпатории.

Идем в парк грязелечебницы «Мойнаки». Вечерами здесь собирается детвора со своими мамашами из ближайших домов и стоит несмолкаемый детский гомон и крик.

– А сам-то что пишешь? – спрашивает Владислав Анатольевич.

– Как-то замотался с прошлой осени, – начинаю оправдываться. – Сайтом «Крымский аналитик» занимался, фотографией, записывал воспоминания своих земляков, интервью. К тому же работа в аппарате Верховной Рады Украины отнимает много времени.

– Это не ответ. Ты же писатель, а не чиновник.

– Начинал новый роман, написал первые главы детектива, а потом «выпал из настроения», сделал перерыв, и все рассыпалось. Пропали герои, да и тот сюжет уже не вернуть. Он исчез. Если продолжить, то это будет уже другая история, – пытаюсь оправдать свое безделье. И чтобы увести Бахревского от неприятной для меня темы, вбрасываю домашнюю заготовку:

– Я бы хотел поговорить с вами сегодня не о литературе и детективах, а услышать ответ на очень простой вопрос: «Для чего мы живем? Каков смысл нашей жизни на земле?».

Владислав Анатольевич не ожидал подобного вопроса, задумывается, а я продолжаю: «Человек приходит в этот мир голеньким, потом учится ходить, говорить, с кем-то борется, наживает добро и врагов, а потом становится старым, беспомощным и покидает этот мир в разрезанном на спине черном пиджаке, оставив здесь все, что было для него важным и ценным».

– Мы живем ради жизни. Смысл жизни в памяти, памяти людской. А вот книги писателя не должны быть памятниками, они и через века должны быть жизнью. Если ты работаешь на власть, работаешь, еще хуже, на данного государя, то твоя жизнь очень короткая. Как это случилось со многими лауреатами сталинских премий. А если ты работаешь просто по велению своего таланта, для слова, думаешь о людях, о народе, книга продолжает соучастие в жизни.

От человека, любого, от великого, малого, какого угодно, остается в памяти людей одно – образ. Образ этого человека, и если мы образ не превратили в безобразие – наше счастье.

Мы говорим Лев Толстой: мы что, «Войну и мир» или рассказ о каком-то мужике вспоминаем? Нет, перед нами образ великого русского писателя. Что такое Пушкин – образ. Он может быть у каждого свой, но он – образ. Так же, как и Жуков. Для кого-то, может, Жуков и герой, а я по молодости негативно к нему относился. Жесткий человек. Наверное, на нем много крови, зазря пролитой. Но, тем не менее, это образ победителя, образ победной нашей войны.

Ты спрашиваешь, для чего мы живем, и что останется после нас. Останется ОБРАЗ. Образ человека, который посетил этот мир, прожил отведенное ему время и ушел навсегда, оставив в людской памяти свой ОБРАЗ.

Наверное, точнее не скажешь. И об этом нужно помнить каждому, кто пришел в этот мир. А теперь, мы вернемся к предсказанию Вольфа Мессинга.

Он появился в моей жизни ниоткуда, и звали его Маркус, Маркус Крыми. Вначале, я воспринимал его, как старика-отшельника, человека с криминальным прошлым, а потом он раскрыл себя. В одном из диалогов Маркус Крыми сказал героине моего романа, что он был УЧЕНИКОМ ВОЛЬФА МЕССИНГА!

И тут я вспомнил проникающий в душу взгляд великого гипнотизера и его ПРЕДСКАЗАНИЕ:

«Ты напишешь много книг. И в одной из них расскажешь о нашей встрече. А потом, когда я уйду из этого мира, в твоих книгах появится ученик Вольфа Мессинга. В книге он повторит мои опыты, но он не будет Мессингом!».

Код страха гипнотизера Маркуса Крыми

Главы из романа

Все события, описанные в книге, взяты из реальной жизни, но, пройдя сквозь подсознание автора, они несколько изменились. В этой связи мы вынуждены предупредить читателей, что любые совпадения с конкретными преступлениями, реальными людьми, организациями, предприятиями, аэропортами и торговыми марками – случайны.

В каждой женщине живет ведьма!

У хозяйки ресторана ялтинского Военного санатория Елены Шереметьевой день не заладился прямо с утра. Микроавтобус санатория сломался в самый неподходящий момент, а ее супруг Сергей Иванович Шереметьев этим утром должен был ехать на важную встречу, и везти жену в аэропорт наотрез отказался. Выручил Елену работающий в санатории массажистом Ахмет Шакиров. На своих «Жигулях» он отправлялся по делам в Симферополь. Положив в багажник чемодан, Ахмет пообещал Сергею Ивановичу доставить его жену-красавицу в аэропорт точно в срок, в целости и сохранности. Прощалась с мужем Елена Шереметьева холодно, без обязательных поцелуев. Утренний скандал изрядно подпортил им настроение. В отличие от Сергея Шереметьева, Ахмет широко улыбался, постоянно шутил и радовался жизни. От предложенных денег он отказался, пояснив, что хозяйка ресторана для него всего лишь – «попутный груз». Ахмету было далеко за тридцать. В Крым он переехал из Чечни после тяжелого ранения. Долгое время лечился грязями в Саках, потом выучился на массажиста и устроился на работу в Военный санаторий в Ялте. Елена Шереметьева в санатории ходила на массаж в соляную пещеру, лечился у Ахмета и ее супруг, который ему полностью доверял. Усадив Лену в машину, Сергей Иванович тут же отправился в Ялту, попросив жену позвонить из аэропорта «Симферополь».

В аэропорт Елена Шереметьева приехала за пять минут до посадки в самолет. Сунула девушке в униформе билет и документы, и тут же стала звонить мужу. Говорила она громко и нервно, так что ее слышали не только сотрудники аэропорта, но и большинство пассажиров:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.